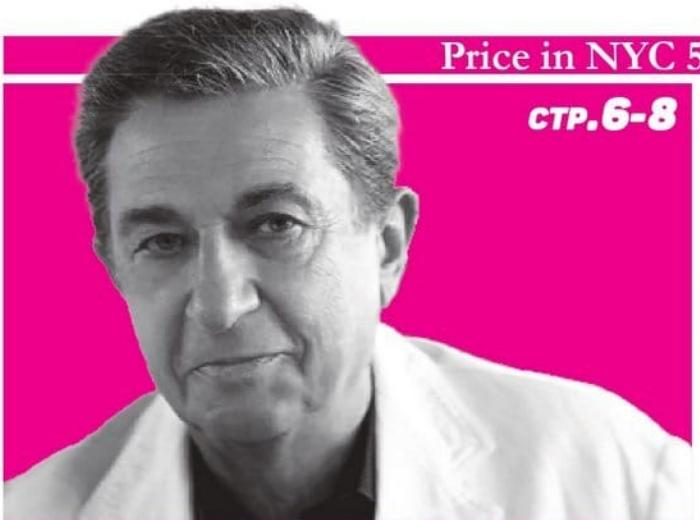

Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

СТР. 6-8

НЕ ХОЧУ МЕНЯТЬСЯ

ПРО СВОБОДУ

СТР. 5

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№5 (138)
ФЕВРАЛЬ 2023

Бульварные
Новости

СТР. 14-17

ЧЕЛОВЕК
С ЛЕГЕНДОЙ

СТР. 10-11

ИКОНА
СТИЛЯ:
ШЭРОН
ТЕЙТ

НЕ ХОЧУ МЕНЯТЬСЯ

Игорь Каваш с родителями

Игорь Каваш в молодости

Игорь Каваш в детстве

Геннадий Норд

Замечательный актер, режиссер и телеведущий Игорь Владимирович Каваш по праву считается одним из создателей театра «Современник». Он был верен этому театру более полувека. Он вообще был человеком редкого постоянства - в любви, в дружбе, в принципах.

Девятивалетним пасынком рвался на фронт - защищать Родину. Стал известным актером, дружил с диссидентами, когда это было, мягко говоря, опасно. Подписывал письма протеста, когда наши танки вошли в Прагу. За это много лет его почти не снимали, но Игорь Владимирович относился к этому философски.

Зато у него был мощный тыл - семья и театр, которые были главным смыслом его жизни.

Расхожая фраза «он совсем не жалел себя, работал и жил на износ» - это про Кавашу.

К сожалению, последние годы актер часто болел, попадал в больницы. Но, как известно, трудоголиков и людей одержимых такие «мелочи» никогда не останавливают.

Он не любил, когда вторгаются в его личную жизнь и творческую кухню.

В «нулевых» написал и издал интереснейшую книгу мемуаров «Точка возврата», и считал, что там он полностью выгвоздился. Помни, прочитав ее, я поймал себя на мысли, что многие моменты из его жизни там вообще не затронуты. И очень захотелось эти моменты прояснить.

Думаю, в этом разговоре Игорь решил на откровения, не вошедшие в его книгу.

- Ты всегда был неуправляемым. Говорят, уже в раннем детстве родители с тобой едваправлялись.

- Это правда. Яросчересур капризным. Плохо ел, не слушался, не ложился

спать. И однажды папа придумал интересный «педагогический ход». Он пошел на студию грамзаписи на улице Горького, записал на пластинку свой «дикторский текст» - тогда это можно было сделать даже частному лицу. Во время ужина он незаметно переключил нашу радиополку с радио на прогрессивный. И я услышал в эфире радиостанции имени Коминтерна целую передачу о том, как «мальчик Игорь Каваш не слушается родителей». Мало того, отец договорился с нашими родственниками, и они в назначенный время все стали звонить и спрашивать:

- Игорь, ты слышал передачу?

Разумеется, я был потрясен. Вжался в стул, сразу побежал ложиться спать, запрыгал. Мама пришла меня успокаивать, я ее спрашивала:

- Мама, а Сталин в Кремле тоже слышал?

После этого я долго был как шелковый.

О чем мечтал в детстве?

- Во время войны наш детский сад увезли в эвакуацию, и я года полтора жил в интернате в Ленинске-Кузнецком, в Сибири. Вот там я на полном серьезе мечтал убежать на фронт - в «сыны полка». Мы с друзьями даже добирались до вокзала, присматривали себе щелон, направлявшийся в западном направлении, и тут... нас поймали. Потом мы вернулись в Москву, я пошел учиться в школу.

В школе ты особый прилежанием не отличался. В одном из интервью ты даже признался, что из-за систематического хулиганства весь ваш

С Валентином Гафтом

класс пришлось расформировать по другим школам Москвы.

- Кстати, редчайший случай! Но, видимо, другого выхода педагоги не видели. Мы творили чудеса то что: сбрасывали парты в лестничный пролет, маленьких во время урока гоняли. Я со своим другом сидел на «камчатке», и мы «ездили» на парту по классу и танцевали. Весь класс хохотал, а педагог не знал, что с нами делать. Учился я настолько неважно и столько прогуливал, что меня даже не могли аттестовать в четвертях. Очень часто дрались.

Почему?

- Я же «арбатский» - там родился, рос, а Арбат в то время был едва ли не самым бандитским районом в Москве - там жило множество уголовников, приблатенных царила определенная атмосфера и в школе, и на улице. Естественно, с блатными мы очень плотно общались. Я рос без отца, он погиб на фронте, так что улица была моим родным домом.

А как во дворе без драки? Кулаки у нас в ход шли по любому поводу - за влияние в классе, слово за слово. Причем, дрались без всякой арматуры и кастетов - врукопашную.

Я был очень спортивным юношем, с хорошим ударом, но и мне частенько доставалось. Бывало, старые шрамы и ссадины не успевали заживать, как появлялись свежие. Помню, однажды меня страшно избили, и я долго не мог придумать, как объяснить маме, откуда у меня

«такой портрет». Ну, синее все лицо! И я сорвал, что играл в волейбол, упал и головой задел столб, державший сетку.

Я перестал драться, когда поступил в театральный институт - с тех пор как отрезало. Да и уже совсем другие интересы появились.

- Ты рассказываешь какие-то невероятные вещи: друзья-блантины, драки, учеба - по боку. И вдруг - театральный. Откуда такое неожиданное увлечение?

- Это даже мне самому непонятно - с чего? Насколько я помню, начиная я стал читать стихи Маяковского на школьных вечерах, и, видно, делал это неплохо, потому что меня всегда заносили в список выступающих. Еще, видимо, сказалось то, что все эти годы мама меня водила по разным театрам - я их очень полюбил. Наверное, поэтому, когда мне кто-то сказал, что в Доме пионеров в переулке Столпана есть театральная студия, я решил пойти туда. Между прочим, был жесточайший конкурс, многих отсеивали. Но меня взяли.

Сейчас твердо знаю одно: и от улицы, и от других ошибок в жизни меня спасло увлечение театром. Потому что довольно быстро оно стало для меня самым главным. В студии я пропадал сутками - мы занимались техникой речи, голосом. Было очень интересно.

- Когда Валентин Гафт в 1953 году решил поступать в Школу-студию МХАТ, то ослепил приемную комиссии своей золотой «Фикской», заменившей выбитый в дворовых баталиях зуб. А ты чем блеснул на экзаменах?

- Если честно - не знаю. А Валю я хорошо помню - он нам с Мишелем Козаковым сразу понравился, и мы, как второкурсники и уже «студенты бывалые», сразу взяли над ним шефство, потому что он слишком сильно волновался. Кстати, про выбитый зуб - это байка! Если у него и была «Фикса», то бутафорская, надетая сверху на здоровый зуб. Тогда же была блатная мода! Мы с Валей сразу подружились.

- Не помнишь, по какому поводу он посвятил тебе знаменитую эпиграмму:

Артист великий, многогранный,
Чего-то глаз у вас стеклянный.

Быть может, это фотобрак?

- «Так почему же хорошо пиджак?»

Однажды он купил в газетном киоске открытку с моей фотографией - из серии «Актеры советского кино». И написал это посвящение. А на следующий день он купил другую открытку, принес ее мне в гримбурию с такой надписью:

Теперь глаза
не как стекляшки.

Фотографируйся
в рубашке!

У Гафта был изумительный поэтический дар - у него не только эпиграммы, но и абсолютно чудные стихи.

- Интересно, как ты проводил свободное время? Любовные романы, безудержное веселье? Или «по-ленински»: «учиться, учиться и учиться»?

- Мы все успевали, и то, что мы перечислили, тоже. Но в основном «отрывались» тем, что ставили спектакли и играли в них.

Понимаешь, у меня вся молодость прошла в очень большом труде. Когда я учился в Школе-студии МХАТ, у нас была веселая компания, мы фонтанировали розыгрышами, шутками. Но мы учились по 10-12 часов в день, поэтому очень были загружены, и любая свободная минута использовалась на 300 процентов. Мы вырывались и куролесили, выделяя черт те что! А потом, когда Олег Ефремов стал преподавать на нашем курсе, мы сдухнулись и были одержимы идеей создания театра «Современник». Днем мы работали у себя в театре, а ночью собирались и ставили свой спектакль. То есть у нас не только дни были заняты, но и ночи тоже. Не забывай, какое тогда время было, его же недаром потом называли «временем лакировки».

Да, мы очень весело жили, но самым главным в жизни стал театр, создание которого в то время было невозможно. За тридцать лет еще ни один новый театр не создавался «снизу» (если они вообще возникали!) - только приказом сверху. Это теперь счастливое время, когда они возникают. А тогда нужно было разрешение Совета Министров и ЦК КПСС.

Володя (Игорь Кваша), Ирина (Лилия Толмачева) и Бороздин (Олег Ефремов) в спектакле «Вечно живые» (1956)

Яков Свердлов (Игорь Кваша)
и Анатолий Луначарский (Евгений Евстигнеев)
в спектакле «Большевики» (1967)

Атаман Лагутин, «Достояние республики» (1971)

В роли Иосифа Сталина

- На твой сегодняшний взгляд, в чем феномен «Современника» конца 1950-х и в 1960-е годы?

- Мы считали, что советский театр живет фальшиво, идут фальшивые пьесы, и хотели говорить правду - выразить чаяния своей генерации. И во многом нам это удалось - мы что-то сдвинули не только в русском, но и в советском театре, мы заговорили другим языком. Естественно, это многим не нравилось.

- Врагов много нажили?

- Иначе и быть не могло. Власти пытались при克莱пить какие-то ярлыки, окрестили то, что мы делали, например, «шептальным реализмом», обвиняли в клевете на советский строй. Критики это тут же подхватили.

Вначале нам закрывали, практически, каждый спектакль. Невероятно, но какое-то чудеса нас спасали. Бог нас спас! Иначе трудно объяснить, в результате которой спектакли выживали, когда по всем раскладам должны были умереть.

- Например?

- Яркий пример - спектакль «Два цвета», о том, как хулиганы убили комсомольца. Его сразу назвали клеветой на советскую действительность, где комсомольцев убивать не могут, и вот-вот должны были запретить. А буквально в этот момент вдруг выходит постановление ЦК о борьбе с хулиганством и создании народных дружин. Случайность! И наша постановка попадает точно в строку.

Или из-за «Голого короля» вообще должны были закрыть наш театр - министр Михайлов уже подписал соответствующий приказ. Но утром он приходит на работу и узнает, что он уже больше не министр, а посол, поэтому все его приказы по линии минкульта недействительны.

Аналогичная история с Екатериной Фурцевой. Накануне она - член Президиума и секретарь ЦК КПСС - мечтает громы и молнии в адрес «Современника», а через некоторое время она уже не член Президиума и не секретарь ЦК.

И так далее! Как подобное объяснять иначе, чем чудесами, я не знаю. Нас все время кто-то берег! Но нас все время спасала еще и публика - как раз зрители нас приняли, в общем-то, сразу. Я хорошо помню, как мы играли на сцене фильма МХАТа, и вдоль Пушкинской улицы ходили люди с плакатами «Куплю лишился билетик!»

- Правда, что в свободное от репетиций время отцы и создатели «Современника» резались в кости на деньги?

- А ты откуда знаешь? Это уже был период, когда «Современник» начал свою жизнь, и после вечерней репетиции Ефремов оставлял Совет, вроде как на совещание. А на самом деле на игру в кости. Так как денег у нас было мало, то мы либо векселя писали, то есть играли в долг, либо - на «по ж...ле». Это было очень больно - зады потом у нас всыхали синие и руки опухли, потому что так сильно были ладонями по «пятой точке».

- Какой ты, оказывается, азартный человек.

- Очень! Там не азартных быть не могло.

- Игорь Кваша той поры был влюбчивым молодым человеком?

- Суди сам: мы с моей женой в 1956 году познакомились, через год поженились, и с тех пор более пятидесяти лет живем вместе.

Я тогда работал во МХАТе, а Гали Волчек, с которой мы вместе учились и дружили с первого курса, снималась в Коктебеле в картине «Дон Кихот». И она уговорила меня поехать вместе с ней в Коктебель. Мы прекрасно отдохнули, пришло время мне уезжать, а Волчек меня уговаривает:

- Не уезжай. Приедет очень хорошая девочка. Гарантирую: она тебе понравится!

И точно. Приехала Таня - красавица, с изумительной фигурой, и сразу мне понравилась. Очень. Уже там у нас начался бурный роман. Через несколько недель я уехал на сбор труппы во МХАТ. А когда встречал ее на вокзале, то предложил ей выйти за меня замуж. Она согласилась.

Окончание на с.8

Лейтенант Эмиль Тавернье,
«Соломенная шляпка» (1975)

Пастор, «Человек
с бульвара
Капуцинов» (1987)

Бургомистр, «Тот самый Мюнхгаузен» (1979)

Окончание. Начало на с.7

- Вот так сразу?

- Сразу! Я считаю, что с женой мне повезло. Она - замечательная, добрая, она лучше, чем я. К тому же прекрасный врач.

- Ты - актер, режиссер, ведущий популярной телепередачи. В каком из этих амплуа ты больше всего себе нравишься?

- Сам себе я ни в каком качестве не нравлюсь. Зато люблю все виды своей работы. Просто в разные периоды жизни то одному делу отдаешься, то другому.

- В 60-е и 70-е годы ты почти не снимался. Твои коллеги рассказывали, что ты попал в так называемый «негласный «черный список» запрещенных актеров.

- Некоторые режиссеры признавались, что им запрещали менять снимать в своих фильмах. А что касается существования «черного списка», то в этом нет никаких сомнений! И я в этом списке был. А вот что стала причиной? Я начала думать, что из-за «пятого пункта», а потом понял, что неминужно не учтивал того, с кем дружил. А я дружил с Владимиром Войновичем, Василием Аксеновым, Левом Збарским, Борисом Биргером. Боря - единственный, кто посыпал академику Андрею Сахарову лекарства, и все время поддерживал с ним связь во время его ссылки в Горьком. А из-за моей дружбы с Виктором Некрасовым «Современник» не поехал на первые в своей истории гастроли на Запад.

- Почему?

- Не пустили меня и Гафта. На Валю прислали анонимку, что он хочет оставаться в Швеции, а меня, как потом выяснилось, не пустили из-за того, что я встречалась в Париже с Виктором Некрасовым. Волчек сказал:

- Заменим их.

А Галия, зная, как вся труппа мечтает поехать на эти гастроли, устроила собрание. И все актеры единогласно проголосовали:

- Если Гафта с Квашой не пускают - мы вообще не едем!

В результате государство заплатило чудовищную неустойку. Вот такой у нас был удивительный театр!

- Еще говорят, ты подписывал письма протеста.

- Когда в 1968 году советские танки вошли в Прагу, то группа молодых людей в знак протеста вышла на Красную площадь. Их арестовали, я был одним из тех, кто подписал письмо в их защиту. Но мне не хочется говорить на эту тему - получается вроде похвальба какая-то. Написать об этом в книге - другое дело.

- В картине «Достояние республики» с блеском использованы многие твои актерские грани. Остались яркие воспоминания от съемок?

- Сниматься в «Достоянии республики» меня уговарил Андрюша Миронов. Сказал:

- Давай поедем, прекрасно проведем вместе время.

А я тогда очень увлекался иконописью, он об этом знал и «купил» меня на то, что съемки будут проходить в Кирилло-Белозерском монастыре. К тому же там рядом еще и Ферапонтов монастырь, где находится знаменитый Музей фресок Дионисия. И я понял: если откажусь, то больше туда никогда не попаду и не увижу работ Дионисия «живым». Я очень благодарен Андрюше, что он меня уговарил, потому что мы там жили и работали прекрасно.

Помню, мы с Андреем упливали куда-то на моторной лодке, осматривали

Сеня (Игорь Кваша) и Кузьма Кройков (Владимир Каушпур), «В трудный час» (1961)

Игорь Кваша на презентации своей книги «Точка возврата» (2008)

С супругой Татьяной

церкви, гостили у священника, путешествовали верхом по окрестностям. Места там изумительные по красоте - это же Север, недалеко от Вологды. У меня большие впечатления остались. Плюс наша дружба и замечательный актерский состав - там были Спартак Мишулин, с которым мы не были близкими друзьями, но находились в тесных приятельских отношениях. А еще на этих съемках я получил «трикотажные» за эпизод с падением с лошади. Им я очень горжусь.

- У тебя есть любимые роли в кино?

- Есть кинороли, за которые мне, как говорится, не стыдно. Например, Яков Богомолов в «Преждевременном человеке», Кротов - в «Кребби», Бургомистр из фильма «Тот самый Мюнхгаузен». Есть немало, вроде бы, эпизодических, но очень дорогих мне ролей.

Мне очень памятная лента «Под знаком Скорпиона», где я сыграл молодого Сталина. Чем? Когда я посмотрел этот фильм целиком, мне показалось, что не играю. Обычно смотришь на себя со стороны - и не нравится, тебя всего корежит, а тут как-то я впервые не испытал

подобного ощущения. Может быть, роль удалась мне так потому, что я слишком ненавидел «отца всех народов»...

- Ты говорил про увлечение иконописью, а сам за кисть не брался?

- Должен признаться, что с молодости писал картины. Как говорится, для души. Перепробовал все: и портреты, и натюрморты, и пейзажи с выездом на природу. Некоторые свои работы дарили друзьям. Но сейчас я этим не занимаюсь. К сожалению! Но если бы начинать жизнь сначала, не знаю, стал бы я актером. Быть может, занялся бы живописью.

- Ты кажешься спокойным, уравновешенным человеком, с которым и другим очень комфортно. Или это обманчивое впечатление?

- Это абсолютно ложное впечатление! Наоборот, меня упрекают в том, что я не умею сдерживаться, но зато очень отходчивый. Я ведь уже очень долгую жизнь прожил, и избежать ударов мне не удалось. Иногда вот эта моя вспыльчивость и виновата. А что с собой поделаешь? Поздно уже меняться. Да и не хочу я меняться.

И в заключении одна правдивая байка, которую в третьем лице рассказал сам Игорь Кваша:

Труппа московского театра «Современник» гастролировала по стране. В одном из городов актеры собрались у гостиницы, и кто-то заметил, что в газетном кiosке продается фотография Игоря Кваша.

В те времена в кiosках «Союзпечати» продавали открытки с фотографиями актеров. Но в этом карточке Кваша была единственная.

Естественно, артист возгордился, а сердца коллег колынула зависть.

Чтобы усилить эффект превосходства, Кваша подошел демонстративно к кiosку и спросил:

- А портрет Галины Волчек у вас есть?

- Нет, - ответила киоскерша.

Игорь Кваша снисходительно глянул на Галину Волчек и вновь задал вопрос:

- А Валентин Гафт есть?

- Тоже нету, - ответила женщина.

Кваша взглянул победоносно на коллег и вновь спросил:

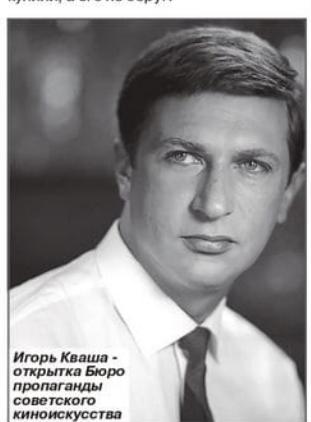
- А Олег Табаков имеется?

- Нет, Табакова тоже нет, - ответила киоскерша.

И тут бы Игорь Кваша остановиться, но он не удержался и спросил еще громче:

- А кто же тогда у вас есть?

- Да какая-то КвАша осталась, - равнодушно ответила продавщица. - Всех раскупили, а его не берут.

Игорь Кваша -
открытие Бюро
пропаганды
советского
киноискусства